

Илья ПРОЗОРОВ

В ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

Рассказ

Время скоростной электричкой пробегает перед глазами. В ее окнах я вижу себя и свою жизнь. Куда бежит электричка, в каком направлении — я не могу разгадать. Стою на платформе, машу рукой, но меня никто не замечает. Я хочу крикнуть, обратить на себя внимание, но что-то сдерживает крик.

В последнем окне торчит круглая детская голова на тонкой шее. Загорелое лицо улыбается встречному потоку ветра. Это — я, мне десять лет. Счастливый мальчик: сзади меня крепко держат мамины руки. Мамы не видно в окне, но я точно знаю, что она там есть, — чувствую ее присутствие.

Электричка, быстро пролетая полустанок, уносит за собой прошлое. Остается грязный шлейф. Он скоро оседает на мазутные шпалы и застывает.

Время ушло.

Здесь нет людей — только электрички. Они стоят в тупике, формируя длинный состав, в котором нетрудно угадать прожитую жизнь.

Иногда я хожу гулять туда, где стоят заброшенные электрички. Их тлеющие тела давно срослись со ржавыми рельсами. Прибывая в тупик, они складывают токоприемники и остаются там навсегда.

Вдыхая мазут, я осторожно пробираюсь через заросли полыни и кипрея. Вдалеке слышится гудок — маневровый тепловоз везет мне свежую электричку.

Глаза ищут за деревьями черный столб дыма. Я хочу заплатить машинисту: пусть только подъедет к одной из электричек и сдвинет ее с места — направит в обратный путь.

Я все готов за это отдать, но каждый раз мне не хватает времени добежать до тепловоза: спотыкаюсь и падаю, разбивая в кровь колени и локти. Тепловоз успевает скрыться за поворотом.

Иду вдоль состава к старым электричкам. Краска на них облупилась, в кабинах выбиты стекла, на крышах растут осинки и березки, стеклянные листья жалобно шелестят, навевая тоску.

Я хватаюсь за перила и подтягиваюсь: хочу разглядеть внутренности вагона. Засохшие хлопья краски рассыпаются в ладонях, прилипая к ним.

Илья Прозоров — эстонский русский писатель, преподаватель литературы. Родился в 1987 году в Таллине (Эстония). Живет и работает там же. Учится на факультете славистики Таллинского университета. Лауреат литературной премии им. Марка Алданова (2019, второе место за повесть «Ди-трейн»). Номинация на литературную премию «Kultuurkapital» за рассказ «P. S.». Номинация на литературную премию Таллинского университета. Печатался на русском и эстонском языках в журналах: «Müürileht» (Эстония), «Vikerkaar» (Эстония), «Looming» (Эстония), «Värske Rõhk» (Эстония), «Вышгород» (Эстония), «Новый журнал» (США), «Чайка» (США), «Звезда» (Россия), «Нева» (Россия).

За грязным стеклом электрички я вижу свою затянутую паутиную детскую. В углу стоит полированный советский шкаф. В нем должна быть одежда: красный комбинезон, шапочка с помпоном, замшевые ботиночки на липучках — все, что отец привозил мне из зарубежных командировок.

У окна кровать; на ней — подушка, откуда я выдираю перышки и пускаю их по воздуху. Рядом с подушкой — любимый плюшевый кот. Его сшил и подарил мне на шестилетие дядя Слава — мамин брат, он потом повесится в подъезде девятиэтажки. Будет качаться, как люстра под потолком. Вон над кроватью петель висит тот злополучный ремень «Levi's», куда дядя Слава в последний раз просунул голову. Он был непутевым и рано ушел из жизни. Дядя Слава водил меня за ручку в пустой осенний парк, где спали убранные на зиму карусели. Жадно глотая из металлической фляги дешевый коньяк, он пинал невинные желтые листья и плакал.

Я ничего не понимал: сидел на скамейке, болтал ножками. Дядя Слава не замечал меня. Какие-то страшные слова вылетали из его рта, но я еще не понимал их рокового значения. У дяди Славы в коробках из-под обуви хранилась огромная коллекция аудиокассет. Он любил музыку. В кассетах были цветные вкладыши с названиями альбомов и групп. От них пахло одеколоном. Кассеты достались мне в наследство. Больше дядя Слава не оставил ничего и никому.

Несчастный, что испытывал ты в последние дни своей жизни? Как жаль, что я не мог тебе помочь, как жаль...

В следующем вагоне — нагромождение хлама. Среди незнакомых вещей я узнаю наш черно-белый «Рекорд». Он стоял на даче, на нем мы с двоюродным братом играли в приставку, вырывая друг у друга единственный джойстик. Спорили, плакали, обижались, выкрикивали обидные слова. Потом, конечно, мирились, садились у выпуклого экрана, и все повторялось сначала.

Брат вырастет и уйдет в армию. Он отправится на службу в какую-то африканскую страну и через полгода вернется в цинковом гробу.

Он любил женщин и честно исполнял их дешевые капризы. На последние деньги водил в кино, покупал розы, угощал портвейном. Был великий романтик и не требовал чего-либо взамен.

Перед отправкой в армию он познакомился с Лерой — высокой блондинкой с тонкими губами и воспаленным лицом. Я помню ее, она приходила к брату домой, громко хлопала дверью, чавкала, курила ментоловый «Vogue». Мать брата — тетя Тамара — разводила руками и недовольно косилась на сына, бурча под нос воспитательные слова. Брат не обращал внимания — он был на седьмом небе от счастья. Глотая любимую холодную крошку, он воображал вслух, как Лера будет писать ему в армию. Конечно, кроме матери, ему никто в итоге не писал, и брат очень страдал, даже хотел застрелиться, но передумал.

От вагона к вагону — глаза на мокром месте. Что-то мелькает в окне, какой-то тусклый свет, похожий на стробоскоп. Лезу посмотреть. Внутри вагона остатки домашней вечеринки, куда меня притащил школьный друг Захар, теперь большой человек в каком-то министерстве. Мать Захара рано умерла, оставив его с отцом, который презирал нежности. Захар страдал без материнской ласки и вырос черствым и злым на весь мир.

На вечеринку Захара пригласила Кристи — красивая белокурая эстонка с печальными глазами и богатыми родителями, — у Захара с ней там что-то наклеивалось. Я сразу влюбился в Кристи, а она была не против. Дружбу с Захаром я навсегда потерял. Кристи учила меня целоваться и говорить по-эстонски, таскала на дни рождения подруг, где я отмалчивался в углу, пока остальные веселились.

Через два месяца Кристи потеряет ко мне интерес, и я повторю судьбу Захара. Буду ужасно страдать и искать пути самоубийства, писать ей на эстонском пошловатые письма и посвящать стихи.

А в комнате все так, как запечатлелось в памяти: китайская диско-лампа на полу, разбросанные бутылки джина, самодельные гирлянды, кассеты, ваза с чипсами и окурки — толстые и тонкие, с помадой и без, — будто мы только и делали, что курили.

Первую сигарету я украл у отца. Помню ядовитый дым, минутную невесомость и душераздирающую рвоту. Два дня я лежал и не двигался. Движения вызывали тошноту. Я ковылял в ванную и жадно пил из-под крана холодную воду. Через неделю я уже слыл в школе заядлым курильщиком.

Денег на сигареты не хватало, и я регулярно таскал их у отца. Он, конечно, моментально сообразил, куда они исчезают. Отец не торопился, наблюдая и выжидая удобного момента для моего разоблачения. Я сам себя наказал — вытащил у классухи из сумки пачку сигарет. Одноклассники с превеликим удовольствием сдали меня, и я получил строгий выговор от директора за воровство. Мать возненавидела меня, отец не разговаривал неделю, в школе перестали здороваться. Я страшно переживал и бросил курить на целых два года.

На той вечеринке я успел понять кое-что важное: все вокруг мимолетное и пустое, нет истинного положения вещей, все постоянно движется в каком-то неизвестном направлении, предугадать которое я не в состоянии. Это были странные мысли для семнадцатилетнего юноши. Они меня донимали каждую ночь, я пытался с ними бороться. Я хотел быть, как все, плыть по реке вместе с остальными, сделать жизнь примитивной и понятной себе и окружающим. У меня не было настоящих друзей, с кем можно поделиться переживаниями, а родители только и талдычили: «Иди работай!»

На вечеринке, наблюдая за молодыми и свежими лицами, я вдруг увидел содержание каждого из них и понял: они чужие мне и никогда не станут близкими. Только Кристи сумела заинтересовать меня по-настоящему, и то лишь потому, что стала первой девушкой в моей жизни. Кто знает, может, я мог бы стать хорошим мужем и отцом, ведь я очень ее любил.

Но Кристи предпочла другого, перспективного и красивого, на черном BMW. Кристи все знала наперед, ее жизнь была продумана до мелочей, и к цели она двигалась уверенно, как бульдозер. Я пригласил ее на выпускной, но она не пришла, и я разочаровался в любви.

Я прыгаю на землю, иду между электричек, слушаю далекие удары автосцепок: чью-то прожитую жизнь составляет маневровый. Подул легкий ветер, и закачалась высокая трава. Я смотрю на небо: ни птиц, ни облаков. Я наедине с собой. Голова пуста, и в ней нет мыслей.

Впереди я вижу вагон, непохожий на остальные. Его окна и двери наглухо заварены стальными листами, на корпусе написано: «С горки не спускать», токоприемник едва касается контактной сети, осыпая крышу синими искрами. В середине вагона единственное окно: темное и неприветливое. Любопытство побеждает, и я ищу какой-нибудь предмет — что-нибудь, на что можно встать и заглянуть внутрь электрички.

Мне попадает старый холодильник. Такой же был у нас в квартире, когда я последний раз навещал мать перед отъездом в Америку. В нем всегда было много еды. Ребенком я не представлял себе холодильника лучше, чем наш. Ко мне забегали приятели, я открывал дверцу, они краем глаза смотрели на роскошные продукты и потом дома, истекая слюной, с завистью докладывали об увиденном родителям: тогда многие жили бедно. Я искал случая, чтобы лишний раз сообщить о новых продуктах, когда отец возвращался из командировки. Мои холодильные рассказы собирали толпы в школьных коридорах.

Я пытаюсь открыть дверцу — она намертво приросла. Тогда волоку холодильник к электричке. Тяжелый, неуклюжий, он едва поддается. Внутри со звоном что-то падает и кувyrкается. Я замечаю выцветшие наклейки на боковой стенке. Невероятно, как смогли они дожить до сегодня.

Эти наклейки в детстве были дороже любого золота. Их собирали и вклеивали в альбомы, дарили и крали, ими хвастались и расплачивались, — о них мечтали. Это были наклейки от маленьких квадратных жвачек. Сама жвачка и ее вкус мало кого интересовали — все охотились за наклейками.

Начинает темнеть. С темнотой приходит свежий, холодный воздух. Надо поторопливаться. Я осторожно запрыгиваю на холодильник и прислоняюсь к окну. Сделаю из ладоней шоры, вглядываюсь в темноту. Внезапно на полу вагона зажигается свеча. Затем вторая, третья, четвертая... Они горят, образуя ровный квадрат, в центре которого на двух школьных стульях лежит пустой деревянный гроб, тот самый, в котором четверть века назад хоронили дядю Славу.

Его привезли к подъезду дома, где он жил. На похороны меня не взяли, я обиделся и долго плакал. Мне хотелось посмотреть на дядю Славу. Оставшись один, я выбежал на балкон взглянуть на него. Со второго этажа я хорошо видел его серое и худое, похожее на куриную тушку лицо. Он мирно спал, и в моей детской голове никак не вязался его живой и бунтарский образ с тем, что лежало в гробу. Я хотел окликнуть его.

Вокруг дяди Славы, опустив головы, стояли люди. Некоторые плакали. Плакала и бабушка, которая почему-то упала на колени и держала руками голову. Бабушку поддерживала мама и тоже плакала. Остальные у меня размылись.

Правда, все они спустя час пришли в квартиру на поминки, и тогда я с жадностью слушал их разговоры. Я ничего не понимал, хоть они и повторяли, что дядя Слава умер от пьянки. Для меня он был жив. Я был уверен, что дядя Слава проспится и вернется домой, как было и раньше.

Он не мог навсегда уйти.

— Дядя Слава, — шептал я с балкона, — возвращайся скорее. Ты обещал сводить меня в депо и показать старые электрички...

Дядя Слава работал помощником машиниста, любил женщин и вино. Он много пил и тщательно скрывал это. Он умел уходить в запой, работать и получать премии. Даже некоторые близкие не знали о его беде.

Бабушка, конечно, знала.

— Дядя Слава, — шепчу я уже взрослый, глядя в окно электрички, — ты так и не сводил меня в депо...

Мощный удар пробегает по всему составу. Я смотрю вдаль. Впереди — крошечная тьма. Кое-где мерцают синие и красные огоньки светофоров. Новый удар отбрасывает меня от окна, и я падаю на землю. Холодильник растворяется на глазах — его больше нет! Вагоны трогаются с места. Я смотрю и не верю своим глазам, поднимаюсь и бегу вслед за вагонами. Состав, грохоча и скрипя, набирает скорость. Из колес сыплются искры; невыносимый металлический скрежет заполняет тишину. Пара гудков где-то далеко за лесом — и все заканчивается так же быстро, как и началось.

Я стою один среди пустых и заросших путей. В небе ярко и холодно горят звезды. Их очень много, и они далеки от меня. Больше нет электричек. Они ушли, и мне становится немного жаль. Странно, ведь я так мечтал пустить их в обратный путь.

Поезда должны ездить — в этом их прямое назначение. Пусть катятся электрички, пока я жив. Техника должна работать!